

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЫЗОВЫ, ФИКСИРОВАННЫЕ В
КУЛЬТУРНЫХ СХЕМАТИЗМАХ СОВРЕМЕННОГО СОЗНАНИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПЫТА НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ**

Афанасьева М.В. - педагог-психолог высшей квалификационной
категории, Кубанский государственный университет

Несмотря на немалое число теоретических подходов к научной интерпретации процессов происходящих в социальной реальности, меня всегда интересовало, что происходит с этнокультурной идентичностью субъекта в современном мире и как субъект личностно меняется под воздействием вызовов, запечатленных в современных культурных схематизмах сознания, как реализуется личностная альтернативность бытия, запечатленная в том числе в этнокультурной идентичности? В одном случае заставляя откликаться , как на "свое иное" на риски современной реальности, порожденных вызовами, фиксированными в культурных схематизмах современного сознания и видеть только их, извлекая именно их из общего фона социокультурной среды, в другом же -заставляя откликаться на ресурсы и замечать исключительно их как значимости, откликаясь на них, как на "свое иное" и выделяя именно их из общего фона социокультурной среды?

В современном мире происходят непрерывные непредсказуемые изменения. Эти изменения связаны как с глобализацией , превратившейся в постглобализацию, так и со сдвигом социокультурной реальности по направлению к постиндустриальному обществу -сдвигом социокультурной реальности, который назван современными учеными постмодерном.

Буденкова В. Е. Савельева Н. В. фиксируют в процессе глобализации двусторонний противоречивый процесс: интеграции в общности и отделения в локализации [6]. Это диалектическое единство противоположных тенденций порождает противоречие между унификацией, осознанием единства мира,

взаимосвязи и взаимозависимости происходящих в мире процессов для человеческого бытия, между тенденцией открываться к диалогу с разными культурами, принятием аксиологически-заряженных культурных плодов общемировой человеческой цивилизации на всем протяжении ее развития и усилением локальных центров, потребностью в осознании своей этнической идентичности, потребностью быть укорененными в историко-культурной специфике бытия своей локальной общности, развивая коммуникативный потенциал диалога, специфических локальных ритуалов внутри своей культуры и ее этноспецифичной уникальности, с другой стороны. В XX в. ожидалось, что порождение поэтапного процесса сближения и компромиссов, а так же - социокультурной унификации в единстве переживания общности всех локальных групп вплоть до образования глобального гегемона - сверхобщества на уровне мировой планетарной цивилизации, что это приведёт к интеграции, но стала возникать агрессия и жажда осознания инаковости своей локальной культуры [21].

Исследователи отмечают, что на деле реальная глобализация, переходящая в состояние постглобализации с характерным для нее кризисом национального государства и связанной с ним национально-гражданской идентичности не только не актуализировала реальное нивелирование и "отмирание" этноса, но привела к некоторой гиперэтноидентичности, гиперболизированному глобальному всплеску агрессивного национализма, агрессивной реализации этнокультурной идентичности и религиозности (иногда формальной и так же агрессивной), их трансформации в новые виды социального осуществления, при устойчивой тенденции к росту многополярности и многосубъектности мирового сообщества, при котором прежние гегемоны, вроде США, все еще претендуют на актуализацию всех властных интенций в пределах остальных субъектов мира.

Следует заметить, что в отечественной науке этнос признавался более ранним этапом развитием общности, более зрелым этапом развития

признавалась нация. Долгое время доминировала парадигма национализма, как парадигма классического модернизма, суть в характерности национализма для самой социальной природы общностей и для произошедших революций [16]. Только Л. Н. Гумилев [по: 16] рассматривал этнос как живой, устойчивый социобиологический субъект, проходящий сквозь социально-экономические формации в своем генезе, неизбежно переживающий конец своего развития на определенном этапе, а затем - вновь начало. Сафонов А. Л. рассматривает этнос и нацию вовсе не как этапы развития общности, которые следуют один за другим, а как параллельно развивающиеся нередко конкурирующие феномены, включенные в сферы социального бытия, при чем развивающиеся достаточно независимо, как друг от друга, так и от экономической сферы, включающей особенности материального, физического потребления, физические условия жизни и составляющей для них внешнюю среду наряду с экосистемой, безусловно влияющую, но не определяющую ход их развития, при этом этнос вбирает в себя способ обыденного существования в культурной локальной общности и предполагает этническую идентичность, а нация предполагает национально-политическое существование и порождение национально-политической идентичности, конкретный индивид может входить как в нацию, так и в этнос. Этносы достаточно устойчивы как общности, согласно этой позиции, потому сохраняются, несмотря на глобализацию, имеют устойчивую культурно-историческую преемственность при смене общественных формации, охватывая большинство населения. При этом этносы, согласно такой позиции, конституирующие государство продолжают латентное (скрытое) функционирование, исчезая в общности и тотальном влиянии нации, и вновь проявляются при кризисе институтов национального государства. Согласно этой позиции, основное отличие этноса от нации в механизме воспроизводства этноса – трансляции этничности, -то есть этнической идентичности, - через образ (способ) жизни и «структуры повседневности» [21]. При доказательстве параллельности существования нации и этноса Сафонов А. Л. [21] приводит и

полинациональные этносы, ситуацию, когда в один этнос входит несколько наций. Важно, что согласно этой позиции механизмом воспроизводства нации оказывается взаимодействием индивида с институтами государства и гражданского общества, формирующее нацию, как общность, которая осознает себя через наличие общих (национальных) интересов, опосредованных национальным государством и имеет свою национально-политическую идентичность [21]. Необходимо заметить, что в такой ситуации диалектичность человека как субстанциональное качество сохраняется, сохраняется и этническая идентичность, только в последней есть высокий риск утратить в современных условиях ценностные опоры. Сущностно меняются социальные противоречия, которые приходится разрешать и устойчивость ценностных опор. И когда фрагментарные сдвиги накапливаются и трансформируют идентичность целостной системы, то в результате этого либо появляется новое качество идентичности целостной системы, либо безвозвратно разрушается внутреннее функциональное состояние системы [23]. Осмысленно в науке понимание, что человека можно рассматривать как особую социальную систему [20]. Следовательно, есть научные основания заключить, что реакцией на постмодернистский сдвиг культуры в ситуации постглобализации с постиндустриальной экономикой будет двойное явление. Это будет либо возникновение в результате трансформации идентичности, в том числе этнической идентичности человека, как особой социальной системы ресурсного нового качества, либо деградация и личностный распад. Человек может либо иметь посредством проявления через процесс смыслообразования переживание новой реальности [10] в виде нового качества гибкой, подвижной, горизонтальной идентичности с широкими границами [3], процессуальной идентичности [16], включающей чувство общности со всей человеческой цивилизацией без потери переживания инаковости собственной уникальной этнической идентичности, способной изменяться и обогащаться не изменяя себе и своей принадлежности к этносу, имея сохраненные базовые установки,

входящие в этническую идентичность, с гибкими составляющими этнического сознания, предполагающими этническую толерантность как установку на терпимое, -принимаящее,- уважительное , дружелюбное и добрососедское отношение к людям, принадлежащим к другим этническим группам, воспитанным на образах и ценностях иной культуры [18], воплощая ответственную самодетерминацию с внутренней причинностью [13], при умении проявлять себя сопричастной личностью в процессе роста, как индивид –интеллигент переводящий дистресс в эустресс (приятный стресс) [17] и т.п. Либо произойдет деградация, распад личности [17], патохарактерологическое развитие, психотическая самореализация гиперидентификация с этносом, будут наблюдаться постоянные ошибки каузальной атрибуции, как излишнее субъективное обобщение, ошибочного характера, в процессе интерпретации поведения человека и его итогов деятельности просто на основе принадлежности человека к определенной этнической группе, осуществляемое в процессе межэтнического взаимодействия и межэтнической коммуникации, при демонстрации полного отсутствия способностей к этнической толерантности, будет проявлена психотическая агрессия по отношению к людям, принадлежащим к иным культурами и воспитанным в ценностях других этнических групп. Идентичность , естественно, на уровне принятой научной рефлексии не тождественна личности, идентичность одна из форм бытия личности, но если распадается форма деградирует и изменяется содержащееся в этой форме ядро, становясь более уязвимым, идентичность обволакивает личность готовностями к действию, сотканными из установок , подобно покрову, без нее личность не может социально существовать, хотя отношение к идентичности может носить разный знак в структуре сознания самой личности. Представляет воплощение отношений с собой и готовность проявить это отношение к себе, базирующееся на оценке собственной принадлежности к своей внутренней сущности и , в то же время, отношение и взаимодействие с социальными общностями и принадлежность к ним. Надо заметить , в

этнопсихологии, принято понимание, согласно которому этническая идентичность - это установка человека по отношению к самому себе, при оценке своей принадлежности к этнической группе [18]. В. Е. Ключко, О. Лукьянов определяет идентичность как явление процессуальное, как сам процесс саморазвития, порождающий устойчивость, которую человеку необходимо открыть, освоить, принять, воплощает собой интегральную оценку самого состояния саморазвития человека как системы, представленную эффектами трансвременности [10] (человек определенным образом предуготовлен к будущему состоянию, присутствием этого будущего состояния в настоящем через смыслы и ценности, конституирующие факт соответствия определенных аспектов жизненного мира человека его потребностям и возможностям в точках объективации направления саморазвития человека как системы). Используя системно-антропологическую методологию можно определить этническую идентичность, присущую человеку, как открытой сложной саморазвивающейся системе, в качестве феномена интегрального оценочного отношения к становлению самого себя с точки зрения принадлежности к своей внутренней личностной сущности в контексте векторов саморазвития и соответствия этой сущности и векторов саморазвития своей этничности, обеспечивающей устойчивость (как изменчивость, так и преемственность) собственной личности через переживание открытия, присвоения, освоения и принятия своей этничности в потоке постоянно присутствующих метаморфоз, трансформации, возмущений, обусловленных саморазвитием системы и непрерывно изменяющимся состоянием социокультурного контекста; включает эффекты готовности встречи человека с грядущим, которое в определенной мере уже присутствует в образе будущего в настоящем через запечатленные в этом образе смыслы и ценности, которые выработаны внутри этноса человека, но при сохранении состояния открытости к обогащению смыслами и ценностями мировой цивилизации, в становлении без потери и измены своей инаковости в рамках этничности. На основе анализа

представлений в философской и социологической, культурулогической литературе, междисциплинарных статьях и книгах арт-терапевтического направления, психологических статьях концентрирующихся на осмыслении действительности можно выделить в качестве параметров реальности современной социокультурной действительности постмодерна некоторые культурные схематизмы. Культурные схематизмы термин впервые в психологии употребленный Ф. Е. Василюком [7], пришел из философии означает принятую символическую форму осмысления и переосмысления человеком события и обстоятельств жизни, соответствующие настрою индивидуального сознания это заставляет разрешать противоречия типичные для нашей эпохи откликаясь через работу переживания, как на "свое иное" на ресурсы или риски, порождая рискованную дезадаптивную смысловую реальность в психике человека или ресурсную смысловую реальность.

Под социокультурными вызовами, фиксированными в культурных схематизмах современного сознания субъектов, можно полагать некие имманентные (внутреннезаданные),- рефлекслируемые и не рефлекслируемые ,- субъективно-объективные условия, обладающие свойствами требований и несущие в себе потенциальные возможности развития социальных событий в жизниистории субъекта по биполярному сценарию, влияющие на эти события субъекта, но не определяющие развитие событий. Эти условия -требования, составляющие суть вызовов, обладают той или иной степенью гибкости, за счет подвижности множественных пластов заложенных в них смысловых значений и личностной значимости, и предполагают индивидуальную трансформацию этих требований и их сути через то или иное личностное переосмысление и индивидуальный выбор. Это переосмысление происходит в направлении, зависящем от уже имеющихся содержаний психики и состояния идентичности субъекта и эти содержания откликаются на заряд этих требований , как на "свое иное" или не откликается. Таким образом, поражается новая смысловая

реальность субъекта, которая обуславливает, в свою очередь, отклик субъекта на риски или ресурсы современного культурного схематизма сознания.

Само понятие "риск" в системе научного сознания разных авторов имеет разную коннотацию и иногда зависит от интерпретации результатов поиска, уходящего корнями в саму этимологию этого слова и заставляющего интерпритировать ядро его смысла, исходя из истории его происхождения. Этимологически и в аспекте толкования слово "риск" несет неоднозначную нагрузку она подробно раскрыта Матвиенко В.И. [15]. Надо сказать, в серьезно проработанном в мировой науке виде впервые проблема рисков всплывает в статистике и математике. В политологии анализ понятия риска и формулировку этой дефиниции делал Ю. И. Матвиенко, определяя риск как ситуацию неопределенности, характеризующуюся невозможностью точного прогнозирования ее развития в будущем и связанную с наступлением как неблагоприятных последствий, так и открытию новых возможностей, вероятность которых можно оценить количественно и(или) качественно [15]. Попытки наиболее тщательного и общего социально-психологического анализа риска предпринимались Е. П. Ильиным, он это делал опираясь на внешние параметры общего, абстрактного анализа риска [8]. Мы будем понимать риск в контексте социокультурного вызова как уникальную в своей неповторимости систему объективно-субъективных аспектов условий, вызывающих специфическое отношение между субъектом и внешней средой, которое несет в себе заряд биполярности и включает в себя, как потенциальную опасность для развития субъекта, так и потенциальный выход из этого угрожающего состояния с накоплением влияния стрессовых факторов, заложенных имманентно в систему требований, из ряда предъявленных субъекту и действующих на него как извне, так и изнутри, выступая при этом для него в качестве исходных и детерминирующих : 1) осознаваемую или не осознаваемую готовность потенциально потерять свое значимое, привычное место субъекта в системе социальных отношений и разрушить

соответствующие привычные ожидания и требования, предъявляемые к социумом; 2) осознаваемую или не осознаваемую готовность потерять возможность ориентироваться в особенностях, связанных с угрозами своей привычной позиции в социуме и своим привычным взаимоотношениям с окружающими, а так же - потерять возможность предсказывать их; попасть в ситуацию неопределенности, вынуждающую относиться к своей ставшей иной, -по сравнению с первоначальной, - позиции в социуме в терминах "принятия — непринятия" и переосмысливать или не переосмысливать вызов социокультурного контекста, с целью выхода за пределы себя. А тем самым, иметь или не иметь интенции к реализации новых требований к себе, порождающих новую смысловую реальность, основанную на этих требованиях, избыточных по отношению к предыдущим и выводящим за пределы исходного, привычного состояния субъекта в иное - более конструктивное, формирующее определенный образ будущего субъекта.

Понятие ресурсы в науке представлено по-разному. В большом энциклопедическом словаре ресурсы [5] - денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов (напр., природные ресурсы, экономические ресурсы). В толковом словаре Ожегова [22] ресурсы - это и запасы, источники чего-нибудь, и средство, к которому обращаются в необходимом случае (книжн.) В кратком психолого-психиатрическом словаре ресурсы [19] - любые средства, которые мы можем использовать для достижения результата: физиология, состояния, мысли, стратегии, переживания, люди, события или материальные ценности.

Мы будем понимать ресурс в контексте социокультурного вызова как уникальную в своей неповторимости систему конструктивных? объективно-субъективных условий-опор, стимулирующих специфическое отношение между субъектом и внешней средой, которое при возникновении определенного взаимодействия на основе совместимости между ними и определенного отклика психики субъекта, порождает конструктивные изменения в идентичности

субъекта. А это детерминирует, в свою очередь, возникновение новых требований к себе у субъекта, появляющихся из его новой смысловой реальности, которые по сути избыточны по отношению к предыдущим условиям и являются конструктивными средствами, выводящими за пределы исходного, привычного состояния субъекта в иное состояние. Это иное состояние ведет субъекта за пределы себя и поднимает над первоначальным давлением среды, стимулируя, тем самым, определенный позитивный образ будущего, проектирование будущего и трансценденцию в будущее своей этноидентичности. Так происходит творчески-адаптивный опыт совладания с зарядом вызова. Приведем вызовы, принципиально сказывающиеся на этноидентичности и фиксированные в культурных схематизмах современного сознания в контексте постмодерна: «Деканонизация», борьба с традиционными жестко-фиксированными ценностными центрами, смешение жанров, высокого и низкого, стилевой синкретизм как смешение, неорганическое слияние разнородных элементов, чувствительность к несоразмерности личностей друг другу и принятие различий; «Все происходящее реализуется на поверхности» в горизонтальной плоскости, неукорененность, плавающая реальность, мультикультурность как сохранение культурной самобытности и особенностей всех этнокультурных групп, взаимоуважение и их участие в многосубъектном плюролистическом мире.

Рассмотрим риски и ресурсы, связанные с вызовом, фиксированном в современном культурном схематизме, который можно обозначить, как «деканонизация», борьба с традиционными жестко-фиксированными ценностными центрами, смешение жанров, высокого и низкого, стилевой синкретизм как смешение, неорганическое слияние разнородных элементов, мультикультурность, чувствительность к несоразмерности личностей друг другу и принятие различий. Риски дезадаптации в этом случае связаны с проявлением в ответ на вызовы полифоничности многомерной реальности внутреннего мира, появление внутренней предельной расщипленности,

децентрации [1]. Риск дезадаптации связан здесь и с появлением фрустрации от нехватки определенности и направления, заданных директивно, экзистенциальный страх, возникновение переживаний, которые можно назвать акциональным (аксиологическим, ценностным) голодом, переживанием экзистенциального вакуума, способного породить стремление к низменному гедонизму, хотя он не выбирается как самоидентификация молодежью [12]. К гедонизму прибегают, как примитивному способу насытить ценностный голод и пустоту, характерно обращение к контркультурным сообществам [12], в том числе к радикальным националистическим группировкам. К чему приводит активность таких группировок мы видим на опыте в современной социальной реальности.

Ресурсное творчески-адаптивное совладание являющееся по сути сверхадаптивностью здесь может выразиться в стремлении к единству в многомерности внутреннего мира - при отсутствии негибкости в отрефлексированной центрации, - к единству во множественности, умение видеть явления в их многослойности, полипозиционности [по:1], [12].

Ресурсы могут быть здесь связаны с возможностью осуществлять индивидуальный выбор в самоопределении при ответственности позиции [12], возможностью актуализировать творчески-открытое сознание в ответственном самоопределении, творчески осуществлять самоопределение в индивидуализированном труде, досуге, образовании, во всех сферах производства и потребления. В онтологическом смысле речь идет о реализации форм персонифицированной свободы, поиске способов раскрытия резервов жизненной полноты. Смещение акцентов с формирования стереотипных программ коллективного действия на доминирование индивидуализированных форм, умение без давления выбирать ценностные ориентиры, в которых воплощается полнота личности, без навязывания из вне, без подсказки «должной» и «правильной» для кого-то ценностной системы, без нужды в идеологическом подтверждении выбора исключительно внешним образом [12],

[24]. Если рассмотреть подробнее вызов, который можно обозначить, условно как «Все происходит на поверхности» в горизонтальной плоскости, неукорененность, плавающая реальность, мультикультурность как сохранение культурной самобытности и особенностей всех этнокультурных групп, взаимоуважение и их участие в многосубъектном плюралистическом мире. Риски дизадаптации, которые может породить определенная смысловая реальность, могут быть выражены в тоске по иерархии, желании загонять в рамки, во имя безопасной определенности, склонности редуцировать, видеть необходимость лишь иерархически выстроенной ограниченности, склонность прибегать к безальтернативности в духовности и доходить до фанатизма [13], отсюда в том числе причастность к сектам и деструктивным культам религиозного толка у молодежи [12]. Риски могут быть выражены и в переживании отсутствия перспективы [3] и отсутствие переживания глубины, тоска по готовой когнитивной сетке, стереотипность [1]. Риски могут быть выражены в переживании агрессивного патриотизма, местечковости, в тоске по идеологическому фундаментализму, национализму, жажде причастности ультроправым настроениям (как реакция на мультикультурность), как вариант - растворение в мультикультурных влияниях причастность к глобалистским движениям, или причастность к агрессивным антиглобалистским движениям [12], перерождающимся в движения типа «скинхедов», РНЕ и т.п. Здесь риски могут быть выражены в негативизме, протестности от грубой консервативной категоричности, ригидности, жестких содержаний этнического сознания, основанных на ошибках когнитивной атрибуции, этнических предрассудках, предубеждениях, дискриминации, эгоистических ожиданий и ярлыков аномальности, зашумляющих смысл существования слабостей других до концентрации на авторитарности проявлений в необходимости жесткой регламентации всего и вся и неизбежности наказаний. При такой реализации рисков существует лишь концентрация на интеллектуальных шаблонах, стигматизации, либо как вариант может быть реакция вплоть до протестности

контейнируемой (упаковываемой в некие внешние формы, чтобы сохранить) и фасилитируемой (то есть развивающейся в благоприятных для этого условиях) в контркультурных формах, когда человек ориентируясь на свое мировоззрение, вступает в экстремистские и террористические сообщества [12]. Отсюда можно предположить отсутствие глубинного признания собственных слабостей и отсутствие понимания, что эти слабости могут отзываться деформациями в других, если незаметно для самого носителя реализуются в поведении человека, завуалированная безответственность и стремление сохранить позитивный образ себя. Риски могут реализовываться и в возникновении дезинтеграции и нарушении внутриличностной коммуникации, когда присутствует предельная амбивалентность, отсюда межличностная конфликтность [по: 1]. Ресурсы здесь могут воплощаться как осознание и принятие равноценности разных явлений и феноменов, дозволение им «существовать» в своем индивидуальном бытии во всей многогранной полноте и самооценности, без редукции, горизонтальные связи [2], [13], [24] горизонтальность связей не в смысле симбиоза и созависимости, а в терминах глубокой экологии – сетевые связи в противовес иерархии [13]. И как умение видеть горизонты и расширять линию горизонта своего бытия [13], идентичность горизонтально неопределенная, имеющая широкие, бесконечные границы [3], а так же - космополитизм (как реакция на мультикультурность) [по: 24] с переживанием своей причастности ко всей человеческой цивилизации, без потери чувства позитивной инаковой уникальности собственных гибких содержаний этнической идентичности, отличающейся высокой этнической толерантностью.

Таким образом, в современном мире осуществляя самого себя человек испытывает диалектическое взаимовлияние вызовов, запечатленных в культурных схематизмах современного сознания и смысловой реальности раз от раза порождаемой его собственной психикой, как открытой саморазвивающейся системой. А обеспечивает устойчивость через

переживание укорененности в бытии в современном , быстро меняющемся мало предсказуемом мире этническая идентичность, как интегральное явление в саморазвитии человека как системы, обеспечивающей причастность к культуре и этносу.

Литература

1. Арт-терапия в эпоху постмодерна [Текст]/ под ред А. И. Копытина СПб, Речь, 2002-224с
2. Афанасьев Ю. Западная рационалистическая традиция,
URL: http://www.yuri-afanasiev.ru/articles/books_1999_11.htm
3. Бауман З.,
URL: <http://www.tovievich.ru/book/12/155/3.htm>
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального,
URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/Mol_Bol.php
5. Большой энциклопедический словарь (электронный ресурс) URL :
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/254714> (дата обращения: 13.08.2014)
6. Буденкова Е. В. Савельева Е. Н. Коммуникативный потенциал локальных культур в условиях глобализации: к постановке проблемы// Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение , Выпуск№ 1 (9) / 2013 -с.37-43
7. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций,
URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/vasif01/index.htm>.
8. Ильин Е. П. Психология риска, [Текст] СПб , Питер,2012 -. 288 с.
9. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Текст]// Полис. 1997. № 4- С.6-32
10. Ключко В.Е., Лукьянов О. В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс [Текст]//Вестник Томского государственного университета Выпуск № 324 / 2009 - с. 333-336

12. Курганский К. С. Генезис и метаморфозы молодежной культуры [Текст] канд. Дис. на соискания степени кандидата философских наук 24.00.01. Белгородский государственный университет, Белгород, 2006-190с.

13. Леонтьев Д. А. Психология свободы : к постановке проблемы самодетерминации, Психологический журнал. Том 21, №1, 2000, URL : http://www.psylib.ukrweb.net/books/_leond01.htm

14. Лиотар Ж. Ф. Заметки о смыслах пост// «После времени: французские философы постсовременности» [Текст]// Иностранная литература, 1994, No 1, -с. 54-66. Вступление и перевод с французского А. В. Гараджи.

15. Матвеев Ю.И. Современные подходы к изучению риска //Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки
Выпуск № 1-1 / 2012- с.165-173

16. Матусевич Е. В. Процессуальность идентичности: конвенциональная и неконвенциональная аргументация //Знание. Понимание. Умение No2/2012 - с. 68-71

17. Мирошник И., Индивид, личность, постиндустриальное общество/
Мирошник И., Гаврилин Е.,
URL:[http://elib.org.ua/psychology/ua_readme.php?](http://elib.org.ua/psychology/ua_readme.php?subaction=showfull&id=1282735136&archive=&start_from=&ucat=2&)

[subaction=showfull&id=1282735136&archive=&start_from=&ucat=2&](http://elib.org.ua/psychology/ua_readme.php?subaction=showfull&id=1282735136&archive=&start_from=&ucat=2&)

18. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология, СПб, Питер, 2012-334 с.

19. Психолого-психиатрический словарь, URL:
<http://psychology.academic.ru/4599/Ресурсы>

20. Сараева Н.М., Суханова А.А. Принцип системности в эконпсихологическом исследовании, М: КРАСАНД, 2010-112с.

21. Сафонов А. Л. Постглобализация: этнополитические аспекты //. Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. No 3 (19) -с.127-13

22. Толковый словарь С. И. Ожигова: <http://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=РЕСУРС>
23. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 414 с.
24. Якимова Е. В. Социальная психология. 2002.04.022 Сейдейдж С. Хилл П. // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11: Социология. Реферативный журнал, №4, 2002-с.112-118